

УДК 004.8

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-439-442

Искусственный интеллект в цифровом имущественном обороте**Монастырский Ю.Э.**

Доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений МИД РФ, профессор кафедры гражданского права и процесса Севастопольского государственного университета (Севастополь)

Искусственный интеллект (ИИ) производит современную технологическую революцию, усложняя содержание имущественного оборота. Внедрение, управление и задействование этой многофункциональной инновации, помимо человеческих действий в сфере физики, коммуникаций и подобного, зависят также от экономических стимулов в общественном воспроизводстве, связанных с гражданско-правовым регулированием.

Целью настоящей работы является попытка определить, на каких цивилистических основаниях ИИ может быть включен в экономический обмен или циркуляцию материальных, в широком смысле этого слова, благ. Задачу настоящей публикации автор видит в установлении соотношения понятий «искусственный интеллект» и находящегося в закрытом перечне «объект гражданских прав» (ст. 128 ГК РФ). Начиная с ответа на вопрос: «Может ли искусственный интеллект быть новым, особым, составным или как угодно, но отдельным объектом?» – и отвечая на этот вопрос отрицательно, автор предлагает свое видение связи искусственного интеллекта и объектов гражданских прав, заключающееся в том, что ИИ может быть характеристикой, технологией либо компонентом таких объектов гражданских прав как вещь, компьютерная программа, секрет производства, изобретение, результат услуг. В обозначенных привязках он может быть предметом гражданско-правовых договоров, передаваемого имущества.

Ключевые слова: информация, искусственный интеллект, объекты гражданских прав, технология, интеллектуальная собственность, исключительное право, гражданское право

Для цитирования: Монастырский Ю.Э. Искусственный интеллект в цифровом имущественном обороте // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 439–442. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-439-442.

Понятие «объект гражданских прав» обладает существенным значением, поскольку через анализ его признаков и элементов становится возможным осмысление интересов и имущественных устремлений субъектов гражданского оборота, на параметрах которых основывается правовое регулирование гражданских отношений. В данной работе необходимо рассмотреть современную технологическую реальность – искусственный интеллект (ИИ) – и сравнить его с основополагающими

понятиями гражданского права. Этот термин как в теории, так и в законодательстве, обозначен как объект правоотношений. Однако его характеристики таковы, что он не подлежит обособлению и обозначению по четкой принадлежности к лицам, и поэтому не может считаться объектом именно частных прав. Его функция в современном обороте все более усиливается, поэтому, с целью обозначения в правовом поле современного государства необходимо определить юридические связи этой

ключевой категории с объектами гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Ценности оборота устанавливаются по своей принадлежности субъектам и подчиняются режиму, определяющему их эксплуатацию, передачу, отнесение которых к кому-либо есть основание юридической охраны. Всевозможные данности, включенные в человеческую деятельность, обладание которыми трудно установить (например, услуги, информация), бывает нецелесообразно характеризовать подобным образом, так как это может привести к неясностям в правовом регулировании. Гражданско-правовые объекты прав как базовая категория и явление произвольно неуничтожимы и прекращают свое бытие в особо урегулированных казусах: гибель вещи, прекращение требования, действие пресекающей давности. С объективацией экономических благ связано возникновение утратившей сегодня остроты проблемы установления имущественного свойства сделок и поведения вообще.

Требуется исследование такого достижения человеческой деятельности, как ИИ, который прежде всего необходим для воспроизводства благ. Этот феномен создает мотивацию и взаимодействия, составляющими чего являются права и обязанности лиц. Поэтому данное понятие можно считать объектом правоотношений, но не частных, а иных: процессуальных, трудовых, административных.

Искусственный интеллект¹ представляет собой важный операционный атрибут, знаменующий начало новой технологической эры [1, с. 36].

Среди учёных существует мнение, что ИИ является либо объектом права, либо квазисубъектом [2, с. 1–7; 3, с. 79–102; 4, с. 74–83; 5, с. 45], однако такая позиция является дискуссионной. Объекты гражданских прав чётко определены в ГК РФ, их перечень является исчерпывающим, как и перечень объектов интеллектуальных прав. Это обусловлено принадлежностью российской континентальной правовой системы к романо-германскому типу. В данной системе считается, что имущественный

оборот замкнут, поэтому установлен ограниченный перечень юридических лиц, средств правовой защиты и объектов гражданских прав (ст. 12 ГК РФ). Согласно ст. 12 ГК РФ, допускается возможность иных способов защиты, однако такие меры должны быть прямо предусмотрены законом. При реализации принципа свободы договора участники гражданских отношений могут предусматривать положения о заранее определённых убытках [6, с. 500], однако требования, вытекающие из подобных положений, оказываются неосуществимыми. И суд либо должен признать ничтожной формулу, либо интерпретировать ее в пользу неустойки или убытков и т.д.

Перечень объектов гражданских прав закреплён в ст. 128 ГК РФ и включает в себя вещи, иное имущество, имущественные права (наиболее разнообразная категория, охватывающая в том числе цифровые права), результаты работ и услуг, объекты интеллектуальной собственности и нематериальные блага.

Распространяется мнение о том, что ИИ – квазисубъект, как и юридическое лицо путем введенной фикции [5, с. 45; 3, с. 88]. Последнее существует в праве и, как известно, иногда действует от собственного имени. Однако не может быть субъекта, который не обладает самостоятельной имущественной ответственностью. Если он совершил договоры, а ответить по их последствиям не может, то его субъектность нереальна.

Есть позиция, что права на ИИ – это одна из разновидностей цифровых прав [7, с. 26–28]. Полагаем, что последнее создает только доступ к автономной информационной системе.

Внедрение искусственного интеллекта в гражданский оборот, включая его передачу, продажу и использование, требует четкого определения правовой основы таких операций. Одним из подходов является отождествление ИИ с роботом². Под роботом подразумевается устройство, которое действует по заданной программе, обрабатывая информацию и выполняя когнитивные задачи. В ряде источников

¹ Согласно подп. «а» и «б» п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024)) «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»; «технологии искусственного интеллекта – совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта».

² См., например: «...Виктор Наумов... описал общую концепцию законопроекта о роботах, а именно: понятие «робот», наделение некоторых видов роботов специальной правосубъектностью (по аналогии с юридическими лицами)...» [8]; «Но можно интерпретировать правосубъектность робота и на основе категории юридического лица, как предлагает Александр Тюльканов...» [5, с. 45]; «...на практике... признаки субъекта предпринимательства, например, могут быть у промышленного AI-робота. Так, робот может иметь регистрацию (предположим, в Ростехнадзоре) и учетный номер; обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; обладать имущественной базой, поскольку робот априори представляет собой материальную ценность; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения или доработки программы, а также утилизации, как крайней мере ответственности). Таким образом, на первый взгляд, AI-робот обладает отдельными элементами субъекта права, при осуществлении им производственно-хозяйственной деятельности» [3, с. 88].

ИИ действительно называют роботом [9, с. 46–62], однако рассматриваемый термин не получил однозначного закрепления [3, с. 79–102]. Традиционно «робот» ассоциируется с физическим объектом – техническим агрегатом или предметом.

Если искусственный интеллект интегрирован в объекты материального мира, то новый собственник такого объекта может предъявлять требования, например, о качестве приобретённой вещи. На практике существуют различные подходы к применению статьи 475 ГК РФ и других норм.

Одна из ролей ИИ заключается в том, что в сфере международного коммерческого арбитража и третейского производства он производит невиданные преобразования. Возникают опасения о замене правосудия [10].

Особенностью ИИ является способность создавать произведения без участия человека как творческой личности [11–13], что вновь поднимает вопрос о его квазисубъектности. На наш взгляд, результаты деятельности искусственного интеллекта не обладают критерием охраноспособности. В отличие от автора, создающего произведение искусства, промышленную или иную интеллектуальную собственность, результат деятельности ИИ не нуждается в правовой защите. Это связано с тем, что институализация авторских прав основывается на признании мотивации творца, связанной с уникальностью произведения и возможностью получения вознаграждения. Поскольку искусственный интеллект, обладая машинной природой, не имеет собственной мотивационной основы, а его разработчик не может признаваться автором результата с точки зрения закона (ст. 1228 ГК РФ), предоставление правовой охраны таким произведениям не способствует стимулированию творческой деятельности. Более того, разработчик искусственного интеллекта не может извлечь существенной выгоды из исключительных прав на такие результаты, так как они не ассоциируются с волей правообладателя в юридическом смысле. Отсутствует также элемент личной связи: невозможны действия по отзыву, изменению произведения или обретению общественного признания [14, с. 204–221].

В контексте объектов гражданских прав искусственный интеллект выступает в качестве технологии, а результаты его функционирования и предоставляемых услуг представляют собой суррогат человеческой деятельности – интеллектуальной, физической или преобразовательной.

Таким образом, вещи, объекты интеллектуальной собственности и результаты оказания услуг могут содержать элементы технологии, подпадающие под рассматриваемое понятие. Следовательно, искусственный интеллект может выступать инструментом либо компонентом в составе материальных объектов, функционирования компьютерных программ или ноу-хау.

Это обстоятельство имеет принципиальное значение, учитывая роль искусственного интеллекта как ключевого драйвера экономической деятельности, планирования и оптимизации управленческих процессов. На современном этапе ИИ является необходимым участником коммерческих проектов и может обладать способностью переходить, передаваться и использоваться посредством включения в соответствующие объекты гражданских прав, сообразно их назначению и характеристикам.

Искусственный интеллект представляет собой технологию, а не самостоятельный объект гражданских прав. Вместе с тем, технология ИИ может быть включена в услуги, результаты интеллектуальной деятельности, программы для ЭВМ, объекты интеллектуальных прав, имущественные права и материальные объекты. Указанные объекты обладают оборотоспособностью, могут быть отчуждены, уступлены или переданы иным образом, а также переходят по наследству.

Искусственный интеллект из-за своего значения не может не быть вовлечен в самом широком плане в экономическую жизнь и при этом порождать неизбежные вопросы о его принадлежности конкретному лицу. Как производитель, механизм, средство усовершенствования структурно сложных материальных благ в виде результатов услуг, ноу-хау, вещей, ИИ не может не приводить и к разногласиям, и к выяснению вопроса о том, кому принадлежит искусственный интеллект из взаимодействующих субъектов. И эта задача – не только судов, но и законодателя, а также научной доктрины. Проблема о том, как инструментально выделить технологии искусственного интеллекта при сочетании и соотношении с другими объектами и приспособлениями, уже находится за рамками юриспруденции.

Таким образом, можно прийти к предварительному обобщению по дискурсу о соотношении ИИ и правовой категории «объект гражданских прав». Оно заключается в том, что искусственный интеллект есть возможные свойства или полезные качества некоторых объектов гражданских прав. Переход свойств или полезных качеств вне правоотношений, обозначенных в ГК РФ, таких как исполнение обязательств, наследование, передача имущества, отдельно от объектов, свойствами которых ИИ является, не должен иметь юридических последствий.

Литература:

1. Кирсанова Е.Е. Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // Закон. 2023. № 9. С. 36–46.
2. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–8.
3. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
4. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. Т. 1. № 4. С. 74–83.
5. Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 42–48.
6. Гражданское и торговое право зарубежных государств. В 2 т. Т. 1. Учебник. / М. А. Андрианова, Е.А. Васильев, А. В. Грибанов [и др.]; под ред. А.С. Комарова [и др.]. М.: Статут, 2019. 560 с.
7. Абрамова Е.Н. Легальные и фактические признаки цифрового права как объекта гражданских прав // Право и экономика. 2023. № 7(425). С. 26–31.
8. Moscow Legal Tech 2017: настоящее и будущее технологий в юридическом бизнесе (30 марта 2017 г.). URL: <https://legalinsight.ru/pdf.php?id=4348> (дата обращения: 05.06.2025 г.).
9. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6(55). С. 46–62.
10. Гресева И. Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды (28 августа 2024 г.). URL: <https://softline.ru/about/blog/pravosudie-budushego-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyaet-sudy> (дата обращения: 05.06.2025 г.).
11. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 420 с.
12. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 218 с.
13. Каштанова П. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России. URL: <https://www.garant.ru/article/1613841/> (дата обращения: 05.06.2025 г.).
14. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204–221.

Artificial Intelligence in Digital Property Circulation

Monastyrsky Yu.E.

*International Private and Civil Law Department of MGIMO,
Sevastopol State University (Sevastopol)*

Artificial Intelligence (AI) is driving a modern technological revolution, complicating the content of property turnover. The implementation, management, and utilization of this multifunctional technology, in addition to human actions in the fields of physics, communications, and similar areas, also depend on economic incentives in social reproduction, which are related to civil law regulation.

The purpose of this work is to attempt to determine on which civil law grounds AI can be included in economic exchange or circulation of material goods in the broadest sense of the term. The task of this publication, as seen by the author, is to establish the relationship between the concept of "artificial intelligence" and the objects of civil rights specified by the legislator in a closed list (Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation). Beginning with the question: "Can artificial intelligence be considered a new, special, composite, or in any case, a separate object?" – and answering this question in the negative, the author offers his view on the relation between AI and the objects of civil rights, concluding that AI can be viewed as a characteristic of technology or as a component of such civil law objects as a thing, computer program, trade secret, invention, or service result. Within these designations, it may be the subject of civil law contracts and transferred property.

Keywords: information, artificial intelligence, objects of civil rights, technology, intellectual property, exclusive right, civil law